

ПИРОГ с КРАШЕВОЙ
и БОЛОМ
и ВЕРЫ
и ИТЬМШ
и ПАМЯТИ
и НАСТОМ
и ДАСТОМ

Анна
и Марк
Коэн

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К76

Иллюстрация на обложке — *зверь*.

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации
Лидии Магоновой;

© Miloje, Fears, Chatchawan, Amovitania, Katya Bogina,
Svetolk /Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Коэн, Анна.

К76 Пирог с крапивой и золой. Настой из памяти
и веры / Анна и Марк Коэн. — Москва : Эксмо, 2024. —
640 с.

ISBN 978-5-04-199626-0

В консервативном пансионе Блаженной Иоанны воспитывают благородных панночек, будущих достойных жен. Шесть одноклассниц решили бросить вызов пансиону, убежав в мир фантазий, но у старого особняка была своя воля и темное прошлое.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199626-0

© Коэн А. и М., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПИРОГ

С КРАПИВОЙ
И ЗОЛОЙ

МАГДА

21 сентября 1925 г.

Наставницам кажется, что если нарядить четыре дюжины девочек в одинаковую форму, то они станут дружны. Не будет ни ссор, ни драк. Ни расцарапанных лиц, ни сожженных писем из дома. И лев будет пастись рядом с агнцем.

Как глупо.

Наши различия ощущаются гораздо глубже коричневых платьев с матросским воротничком. Они даже интимнее белья. Разница между нами в том, что кто-то бьет, а кто-то бит, и не важно, руками или словом. Такова наша суть. Думаю, наставницы это знают, но им просто невдомек, что придумать, кроме униформы.

Ах да, еще есть наказания. Мне нравится, что они есть. Кому-то они не дают перейти последнюю черту, а кому-то — даже заступить за первую. У древних вавилонян за ложь вырывали язык, за предательство срезали нос до кости, а за воровство отрубали руку. Ковыряя остывшее вареное яйцо, я смотрю на тех, кто делит со мной трапезу, и думаю: как бы выглядели все мы, если бы нас судил какой-нибудь Хаммурапи или другой древний шумер? О, мы были бы отвратительны.

Я надеялась, что мне не придется возвращаться под кров «Блаженной Иоанны» после летних каникул. Общественная гимназия в родном воеводстве не вполне соответствовала моим планам на будущее, хотя нужные

рекомендации я бы получила и там. Увы, для маменькиных нервов безопаснее, если я буду как можно дальше от нее и как можно дольше.

Мне осталось вытерпеть только год. А уж с этим я попытаюсь справиться.

В столовой высокие потолки, выкрашенные подсиленной известкой и расчерченные балками. С первого дня мне кажется, что они могут обрушиться нам на головы. Наставницы сидят отдельно за длинным столом, спинами к большим французским окнам, так что их силуэты кажутся затененными, безликими. Остальные размещаются за двенадцатью столами поменьше: по два стола на класс, один — для гостей и один — для лишних. Это неофициально, но некоторые вещи сами выбирают себе имена.

Ближе всего к дверям сидят малявки. Удивительно, что дирекции удалось набрать новеньких после того, что случилось.

Первогодки еще похожи на детей. Вы только посмотрите на эти нежные щечки, на косички, на то, как они перешептываются между собой! Они вырвались из-под надзора мамаш и нянек, и каждый пустяк мнится им захватывающим приключением. Первогодкам еще нечего делить, и они думают, что обзавелись десятком новых сестреночек. И разумеется, они будут дружны всегда-всегда, до самой смерти.

Все уже покончили с завтраком, но Юлия осталась и наблюдает за мной из-под русой челки, отмечает каждый жест бегающими серыми глазами — она всегда хвалилась, что у нее глаза меняют цвет, но это вранки, — а сама крошит хлеб длинными пальцами. Ногти у Юльки красивые, как миндаль, но кожа вокруг них вечно лопается и торчит кровавой бахромой. Меня передергивает от одной мысли, что этими ободранными пальцами она может доверительно, как раньше, взять меня за рукав.

— Даже не думай, — шиплю я.

Никто не повышает голоса — не хочет схлопотать табличку «Тишина» на шею, — но в столовой все равно стоит ровный гул, смешанный с позвякиванием посуды.

— О чем ты, Магда?

Строит из себя невинность. Юлия вполне может показаться примерной панной, но кому, как не мне, знать, что она такое.

Она поднимается, чинно оправив манжеты. За лето она стала еще выше, хотя рост уже в прошлом году ее не красил. На груди неизменная камейка с изображением двух рук, зазубренного сердцевидного листа и полумесяца. Юлия берет оловянный поднос с недоеденной кашей, скорлупками и искрошенным хлебом. Притворяется, что уже уходит, но в последний момент оборачивается и как бы невзначай бросает:

— Приходи в эту пятницу. Мы скучаем.

Я не отвечаю, поэтому она предпринимает вторую попытку:

— Будет весело, как раньше. Ты помнишь?

Мы обе знаем, что это не ее слова. Она просто передает их буква в букву, стараясь скопировать даже интонацию. А теперь стоит выпятив подбородок и ждет ответа, как почтовый голубь, чтобы унести его хозяйке.

— Катись в ад.

Отвечаю одними губами, потому что к нам, запоздравив неладное, спешит, переваливаясь на острых каблучках, пани Новак.

— Мы все там будем. — Юлия улыбается. — И ты тоже.

* * *

В капелле пансиона не проводят служб. Здесь мы дважды в год поем «ангельским» хором для совета попечителей под дребезжащий аккомпанемент дряхлого

фортепьяно и не менее дряхлой пани Зузак. По таким случаям здесь полируют скамьи, развешивают пурпурные с золотом драпировки и расставляют свечи, чтобы все прониклись благоговением. «Ангелам» охотно выписывают чеки и продлевают стипендии. Большинство из нас учится на деньги родителей, но некоторых поддерживают благодетели, так что показательные выступления — ради них. Я отказалась участвовать в этом балагане еще год назад и не жалею.

Но нельзя сказать, чтобы наставницы пренебрегали нашими душами. Как можно? Мы беззвучно молились перед едой, каждый день у нас был час Слова Божия, а на воскресные службы мы всем пансионом ходили пешком в деревенский костел. Шли через лес, выстроившись парами, по мощенной камнем тропе, слушали проповедь, исповедовались, причащались и плелись обратно.

За последние недели я перебрала все возможные причины, чтобы не ходить в костел с остальными. Я просто не могла там находиться.

Позади капеллы буйствовала крапива, и никто, кроме меня, туда не совался. Прошлой осенью я присмотрела, что недалеко от стены лежит большой плоский камень от старой кладки, и, если прижать руки к груди, а голову втянуть в плечи, можно проскочить сквозь заросли и скрыться от чужих глаз. Можно стоять на невысокой насыпи из кирпичной крошки, тесно прижавшись к стене, и жгучие зеленые пальцы не дотянутся до тебя, как бы ни пытались.

Здесь мы... нет, я впервые пробовала курить. Здесь плакала в ночь после Иванова дня. Зимой приходится искать другое место для уединения, какой-нибудь тихий уголок в самом пансионе, но в начале осени здесь вполне сносно.

Из-за капеллы открывается вид на левый фасад пансиона Блаженной Иоанны. Трехэтажный дом из желтоватого камня, построенный в середине прошлого

века, стареет с достоинством, скрывая трещины мхом, как морщины бородой и бакенбардами. Его крышу венчают две изящные, хоть и невысокие, башни с тонкими шпилями громоотводов, каждый из которых украшает золотистая сфера. Если глядеть с пригорка, здание пансиона кажется торчащей из земли рогатой головой. С террасы спускается непропорционально узкая лестница, изгибающаяся, как высунутый язык на средневековой гравюре.

За главным зданием поблескивают застекленные теплицы. Они задумывались как зимний сад, но дирекция решила, что это непрактично. Еще отсюда не видно, но чуть дальше стоит конюшня. Лошадей всего три, но от постройки порой несет, будто их там три дюжины.

Раньше наш пансион был фамильным особняком, но семь лет назад, сразу после войны, он ушел с молотка. Мало у кого нашлось бы достаточно денег, чтобы содержать такую махину с ее коптящими каминами и клочущей котельной; стеновыми панелями, покрытыми замысловатой резьбой, и мощными потолочными балками; медными трубами и дубовым паркетом, который следовало регулярно натирать мастикой. Между прочим, одно из излюбленных наказаний за недостаточное прилежание. Может показаться, что это недостаточно сурово, но после нескольких часов на коленях с щеткой в руках и табличкой «Усердие» на шее весь мир видится в паркетную «елочку» и вечер над конспектами становится гораздо желаннее.

Кроме того, дирекция почти не держит штата, кроме наставниц, двух кухарок и врача. Еще есть вечно сонный конюх и человек, обслуживающий котельную, но их мы почти не видим. Проживание и обучение в нашем *классическом* пансионе — удовольствие недешевое, поэтому учениц немного, но владелица сего заведения экономит на каждой мелочи. Как она утверждает, для нашего же

блага. Воспитанницы делают все, кроме самой тяжелой работы, для которой приходят поденщики из ближайшей деревни.

И здесь начинается интересное. Невозможно оставаться любящими сестрами, когда можно избежать трудов, сложив их на плечи ближнего своего. Ближней. Мало кто хочет отчищать клозеты и пыльные углы, стирать нежными руками простыни, свинцовые от воды. Это дело слуг. А когда нет слуг, их место должен кто-то занять. Это непреложный закон.

Летом я листала журнал, какой обычно девица шестнадцати лет и в руки не возьмет. Так вот, там была статья о мышах. Группа всегда расслаивается на господ и рабов. Но если оставить в одной коробке только «рабов» или только «господ», со временем они снова разделятся. Все повторится и будет повторяться, пока мышь не останется одна. Только вот у грызунов для борьбы есть зубы и когти, а у девочек все несколько сложнее.

Щурясь сквозь сизый дым, я вновь разглядываю группу первогодок. Им лет по двенадцать, только окончили элементарную школу. Круглолицые, как на подбор, почти неразличимые в коричневых платьях с матросским воротничком и с черными лентами в косах. Маленькие принцессы.

Они играют в веревочки, выкрикивая какую-то дурацкую считалку.

Две из них удерживают веревочное кольцо ногами, третья прыгает, поддерживая одной рукой юбку, а другой — скачущие на носу проволочные очки.

Прыжок, еще прыжок. Все выше и выше. Замечаю, что рядом с ними нет наставницы, и сердце отчего-то становится холодным и тяжелым. Я будто смотрю сквозь толщу мутной воды в прошлое.

Чертыхаясь, как последний сапожник, швыряю окурок в заросли крапивы. Эта гадость все равно не заго-

рится. Сжимаюсь в комок и скольжу обратно сквозь преграду. Не мое это дело. Не мое.

И все же я оборачиваюсь. Державшие веревочку ловко подсекли попрыгунью, и та распласталась на траве. Наверняка ободрала колени, и чулки придется долго отстирывать от крови, зеленого сока и земли. Она пытается подняться, но ее толкают обратно, а я шагаю прочь, к теплицам.

Это всегда начинается. Началось и теперь.

*...из буклета пансиона Блаженной Иоанны,
1921 г.*

Наверняка Вы не раз задумывались о том, как взрастить и сохранить высокую нравственность девицы, которая сейчас воспитывается под вашей крышей. Мы понимаем, как отчаянно сложно делать это в городах, полных соблазнов. Девушек на каждом шагу подстерегают журналы, модистки, а когда они становятся старше, то клубы и мужчины с их грязными намерениями. По мнению ученых мужей, девушки в городах зачастую растут склонными к истерикам и беспутному образу жизни.

Пансион Блаженной Иоанны — оазис мирной сельской жизни, наполненный традициями, трудом, изящными искусствами и молитвой. Наши воспитанницы растут в строгости и послушании. Наша цель — вылепить из глины беспокойного детского ума достойную пани, умелую и рачительную хозяйку, а также скромную супругу.

Здесь нет места вольнодумству, вредному юным созданиям. Вы будете гордиться вашей дочерью или подопечной.

1921-1922 КРАСНАЯ НИТЬ

Девочек было шестеро — самый маленький класс за недолгую историю пансиона. На шестерых выделили три дортуара, по две кровати в каждом. Платяной шкаф один на двоих, одно на двоих деревянное распятие. Рядом с дортуарами находилась общая умывальня, а классные комнаты были этажом выше, и в них проводили все занятия, кроме домоводства, рисования и танцев.

Для танцев и гимнастики был зал, переделанный из бывшего салона: с большим эркером, глядящим на лес, со станками вдоль стены, где в щели между стеклами задувал ветер. Ранним утром мышцы деревенели от холода, пока движения не разгоняли кровь по жилам. Сухощавая пани Мельцаж отбивала тростью такт. Этой же тростью она выравнивала неверно стоящие ноги, приподнимала подбородки, а могла и стукнуть по «горбатой спине».

Хотя наставницы частенько шептались об огромных тратах на уголь и дрова, холод был постоянным гостем на учебном этаже с октября по апрель.

Рисовать с натуры воспитанницы ходили на улицу, пока позволяла погода. Первогодкам предстояло освоить пейзаж увядающего поля, в то время как выпускницы сепией воссоздавали в своих альбомах архитектуру пансиона. К младшим девочкам не было особого отношения. Кряхтя и обливаясь потом в колючих шерстяных